

им. М. Горького, читал подшивки газеты "Молва", выходившей в Одессе во время оккупации. Это и послужило причиной ареста. Гехт был приговорен к 10 годам лагерей (по другим данным — к 8), С. Бондарин — к 8.

Летом 1945 Семена Григорьевича отправили в подмосковный лагерь при экспериментальном заводе МВД. "На нем была офицерская гимнастерка, поверх которой надет штатский пиджак, его облысевшая голова покрыта была темной кепкой, из-под козырька которой глядели какие-то отрешенные глаза". Лагерь славился довольно либеральным отношением к заключенным, дважды в месяц (в выходные) там устраивались литературные вечера. Гехт вел неофициальный литературный семинар (среди заключенных было много молодых литераторов). Принимались передачи — в них Вера Михайловна вкладывала и свежие литературные журналы, которые давал ей В. Гроссман. После ареста мужа она жила в семье Н. Асеева.

Летом сорок шестого за отказ давать показания на соседей по бараку Гехт попал в Коми АССР, где были известные строгим режимом лесные лагеря под поселком Вожалель.

"<...> уже будучи известным писателем, стал жертвой навета, — он изучил профессию лесоруба, был разносчиком молока в детских яслях, сторожем в парке".

После освобождения и реабилитации Гехт, в отличие от Бондарина, который еще на поселении начал вести дневник и потом писал "в стол" лагерные "Капкаринские записки", вычеркнул эти годы из памяти.

"Гехт и в самом деле довольно печален, хотя и слыл прежде записным застольным весельчаком, что ли... Если не весельчаком, то болтуном. Его известное происшествие [т.е. арест. — **А. Я.**] помяло больше, чем других, он очень постарел", — писал Бондарин в 1960 их одесской приятельнице Татьяна Стах.

В 1959 году Гехт побывал в Одессе, встретился там с друзьями юности и родными.

С. Гехт написал еще четыре книги: "Будка соловья" — о жизни леспромхоза (бесспорно, основанную на лагерных впечатлениях, но ни словом о лагерях не напоминая); "Три плова", "В гостях у молодежи".

Он был очень болен, здоровье его подорвали лагеря. Почти полгода провел Гехт в больнице. Паустовский привозил из Парижа редчайшие лекарства, но и они лишь ненадолго останавливали болезнь. В разговоре с врачом Паустовский сказал, что Гехта необходимо спасти, невозможно представить литературу без него. Ту же фразу он повторил в некрологе: "...ушла молодость нашего поколения".

В Советском Союзе книги Гехта не переиздавались, в 1983 г. в Иерусалиме вышла книга "Простой рассказ о мертвецах и др. рассказы".

Алена ЯВОРСКАЯ

## Семен Гехт — Генриетте Адлер

1

15 сентября 23

*Милый друг, Генриетта!*

*Ваше письмо я получил пятью днями позже, чем следовало. Это случайность, которая более не повторится.*

*Я очень рад, что вы ответили сейчас же, не оттягивая времени. Я только теперь обретаю право на отдых и работу. Все время я метался в горячке и тревоге.*

*Уезжая из Одессы, я не снялся с учета, здесь же три месяца не был нигде прописан — пахло обидными неприятностями. Ныне все это великолепно улажено. Я вполне легален, у меня все бумаги и пр.*

*На сегодняшний день (простите за излишние пожалуй детали, но ведь я пишу о себе — так установлено) я не имею отдельной комнаты. Она будет у меня только через неделю или (в крайнем случае) через 12 дней.*

*За комнату приходится уплатить сразу слишком солидные деньги и не удивительно, что произошла столь долгая заминка.*

*Я нигде не служу, ибо не хочу. Предлагали кое-какие должности по газетам — отказался.*

*Но работаю много. Успел уже хорошо зарекомендовать себя в лучших журналах и деньги вообще — в пределах, конечно, добывают легко.*

*Я сейчас связываюсь с одним хорошим театром, буду писать пьесу, веселую комедию, очень веселую — непременно! А вы грустите.*

*Но я не могу писать ободряющих, утешающих слов, ибо нет ничего глупее, чем утешать человека, который грустит. Но мне было (надо сознаться) больно, когда я читал эти полуотвлеченные, полупессимистические (плохое слово, зато со смыслом) строки.*

*В Москве — бабье лето. Но по утрам уже легкие морозы и к вечеру надо одевать пальто. Снега, пожалуй, уже на носу. Что ж, тем лучше. Есть такая восточная (полуперсидская, полужеврейская) поговорка: "Все к лучшему — вообще и это к лучшему — в частности". Какая жуткая и вместе с тем крепкая-крепчайшая поговорка.*

*Кстати: вам письмо передала Тоня. Я вручил его ученику Одесск. акад. Фурману, так как не знал вашего точного адреса. Тони я в Москве не видел. Мы с Илей были у нее дважды — не нашли.*

*В ожидании вашего письма (совсем по-канцелярски — что ж)*

*Гехт*

Тоня — Антонина Тренке, дочь одесского архитектора Вольдемара Тренке. В 1920 — одна из участниц "Коллектива художниц". Позднее уехала в Москву, в 1924 семья эмигрировала во Францию. И. Ильф встретился с ней в Париже. Открытка с рассказом о встрече хранится в семейном архиве А. Ильф. Г. Адлер говорила, что позднее Тоня жила в Америке.

Иля — Илья Ильф.

22 ноября

*Милая Генриетта!*

*Я сейчас на почтамте. Замерзшая рука с трудом выводит буквы. Холодно.*

*Я смотрел вчера вечером "Капризы мисс Мей" с Мери Пикфорд. И что же? В некоторых местах маленькая Пикфорд похожа на вас. Это нашел не я, а Иля. Он пришел позавчера вечером.*

— Гехт, — сказал он, — вы хотите увидеть сейчас Генриетту?

— ??

— Отправляйтесь на Арбатскую площадь в кино б. Художественный.

— Ах, — протянул я, догадываясь, — вот что...

— Да, — ответил он тоном полпреда, раздувая ноздри, — вот оно что!

*Я не побежал к Арбатским воротам, потому что было уже около 12 и кончался последний сеанс.*

*Вчера я просидел зато весь вечер. У меня теперь уйма забот о всевозможных регистрациях и я бегаю затравленной крысой по Москве.*

*Я успел уже подружиться с двумя редакциями, теперь я имею дело с другими тремя редакциями — Москва — провинция большая и жить в ней весьма забавно.*

*Милая, дорогая, родная Генриетта, ваше последнее письмо доставило мне много радости. Я получил его 19-го. Я как раз был у Катаева. Сидели: Катаев, Муся, Иля и я.*

*Катаев захлестывал Мусю экспансивными поцелуями (он это делает с 4-х часов дня до часу ночи — публично).*

*Иля сидел мрачный — нет писем и все такое. Я сидел тоже мрачный — день был чересчур неприятный. И вот — легкий стук в передней комнате. Письмо грохнуло о жесть, ящик свистнул, почтальон ушел.*

— Друзья, письмо! — сказал Катаев.

— Это от мамы! — крикнула Муся.

— Это мне! — процедил сквозь зубы Иля.

А я молчал.

*Иля бросился к ящику, выловил письмо и произнес вяло.*

— Это для Гехта.

*А я-то был рад. Я обладаю (на двадцать коп.) пророческим даром. Чу-десно, Генриетта!*

*Я хотел бы, что это письмо не было вами получено, ибо это означало бы...*

*Это означало бы, что вы выехали, что вы в пути, что вы миновали Кру-ты и Нежин, что вы пересекаете Черниговщину, что ваш состав ползет, замедляя ход, по слабым мостам, через Десну, через маленькую, узкую Дес-ну — ах, Десна, дни мои, слезы мои!*

*Но если вы еще там, на ул. Петра Великого, в темном дворике, где ка-менные плиты и дикий виноград, если вы еще там, напишите точнее, по-дробнее о вашем переезде сюда, в Москву.*

*Милая, дорогая, родная Генриетта, целую вас и жду ответа.*

Гехт

...с Мери Пикфорд — Пикфорд (1893-1979), популярная американская актриса, одна из звезд немого кино.

Муся — очевидно, жена В. Катаева.

...на ул. Петра Великого — Г. Адлер жила на улице Петра Великого, д. 25.

Семен ГЕХТ

## Шмаков и Пранайтис\*

Если хотите избежать скандала и побоев, садясь играть на толкучке в шашки, условливайтесь заранее. Скажите просто: "Я играю с фукой", или: "Я играю без фуки. Идет?".

И тогда начинайте кампанию. Выдвигайте боковые по диагонали или пускайте в ход все передние, или освобождайте скорее дамочное поле, чтоб не закрыть себе ходу, потом — как хотите. Но условие прежде всего. А то вы подвинули шашку и ждете, чтобы противник ее побил, тогда вы съедите у него три штуки подряд и залезете в дамки прямо на косое поле — и вдруг окажется, что сосед не берет: я, мол, играю с фукой, и все ваши планы разбиты.

Федор Шмаков был таким ненадежным человеком. С фукой у него всегда дело обстояло неважно, и на веку его бывало все — и скандалы, и побои. Садовническому надзирателю истории эти так надоели, что он однажды устроил облаву на толкучку и конфисковал все шашки. Пострадавшие подали кассацию районному. Районный сказал надзирателю, что конфисковать запрещено, надо бороться иначе, и сделал ему выговор по нисходящей линии. Надзиратель выслушал мораль с недоумением, но шашки вернул.

\* Рассказ из книги "Шмаков и Пранайтис", 1927.

Засядут эти толкучники с утра, и конца не видно. Уже милиционер себе глотку отсвищет, пора разогнать рынок, а толкучники сверлят друг друга и сверлят. Потом унесут шашки в пивную, там продолжают, пока служащие не попросят освободить помещение.

— Три часа ночи, товарищи. Скоро опять откроем.

Перед пасхой много народу ходило на толкучку. Не то, что с Краснохолмской или Таганки, — из-под Симонова монастыря приходили покупать одежду. Федор Шмаков торговал штанами, все были на один фасон: пуговицы сзади, как у матросов, и добротный клеш, разглаженный по последней довоенной моде. Пранайтис продавал сапоги на железных гвоздях, с короткими голенищами и резиновыми ушками. Настоящих фамилий этих двух толкучников никто не знал. Садовнические евреи — есть и такие — прозвали Федора Шмаковым, а Станислава — Пранайтисом. Первого за то, что не любил евреев и поляков, второго за ненависть к тем же евреям и русским. Толкучка не любит настоящих фамилий. Каждая кличка, будь она сто раз неудачна, прилипает к человеку на всю жизнь. Так и остался Федор — Шмаковым, а Станислав — Пранайтисом.

На этот раз они сели играть в шашки в час дня. К этому времени Шмаков расторгнулся немного, и у него осталось всего девять пар штанов. Пранайтису не везло, и все шесть пар сапог так и остались у него на плече. Пасхальные покупатели искали сапоги с длинными голенищами, чтобы повыше коленки загибались, а Пранайтисовы еле икры обтягивали.

— Как дела, пся крев? — спросил Шмаков.

— Фортуна, кацап, в отпуск ушла, — уныло ответил Пранайтис, показав на нетронутый товар.

— Играем сегодня?

— Финансы подгуляли, пан холира.

— По полтиннику. Идет?

— И полтинники долго жить приказали, — совсем в русском духе ответил Пранайтис. Он родился в России и о Польше знал только из газет да писем от какой-то краковской тетки. Друзья пикировались еще немного, потом решили играть на товары. Возник вопрос, как оценить каждую вещь. Шмаков предложил вещь против вещи. Он ставит штаны, Пранайтис — сапоги.

— Хитрый ты, кацап, — сказал Пранайтис, — только, что у поляка в пятке, то русская голова в себе не уместит. Клади три пары.

— Тебя, видно, тетка с Ротшильдом прижила, пся крев, — ответил Шмаков, — жила ты, любого Мошку перещеголяешь.

Остановились, наконец, на двух парах штанов за одну пару сапог. О фуке друзья не говорили вовсе. В этом году фука считалась старомодной и на толкучке была в загоне. Играть с фукой было все равно, что танцевать сейчас в обществе танго или читать Потапенко.

Уместились они играть в железном ряду. Приспособили для сидений два бака, а шашки положили на травку. Шмакову выпали белые, и кампанию открыл он. Толкучники окружили их со всех сторон, налезая друг на друга. Образовалось два этажа зрителей. Никто не вмешивался и не подсказывал, за непрошенные советы на рынке били морду и остракировали на долгий срок.

Шмаков выдвинул боковую шашку в левый угол. Пранайтис пошел соседней, угрожая съесть. Шмаков защитил, Пранайтис перешел на правый угол. Шмаков подставил, если Пранайтис возьмет, будет выигрыш на одну. Пранайтис взял, только другой шашкой — чистый обмен. Шмаков пустил в ход среднюю шашку. Пранайтис задумался.

Начало, как видите, самое обыкновенное, трудно еще сказать, на чьей стороне перевес. Публика была недовольна. Ни атака Шмакова, ни защита его противника не нравились ей. Досада выражалась молча, не надо расстраивать, опасно к тому же.

— Ну-с, шляхетська язва, — сказал Шмаков, — двигай. Долго думать будешь, голова усохнет.

— Сухой поляк лучше свежего кацапа, — сказал Пранайтис и сделал ход.

— Еще Польша не згинела, — сказал Шмаков и съел шашку.

— Да здравствует долой, — сказал Пранайтис и пошел левой.

— Пилсудска крев, — сказал Шмаков и освободил первое поле.

Это был ложный и неудачный шаг. Пранайтис подставил две шашки. Шмаков радостно побил их и, побив, ужаснулся. Пранайтис сразу срезал четыре и пролез в дамки.

— Ставь дамку, — торжественно сказал он, потер руки и посмотрел на толпу. Та сочувственно качала головой и бросала иронические взгляды в сторону Шмакова. Шмаков покраснел и опустил голову ниже. Он продумал минут пять. Поляк равнодушно курил сигарку, вяло мял табак, медленно прикуривал и выпускал дым зигзагами.

— Наклали вам в Киеве, — сказал, наконец, Шмаков и поставил шашку так, что дамка оказалась съеденной.

— Били мы вас под Варшавой, — ответил Пранайтис и пролез еще раз в дамки.

Все шашки Шмакова оказались запертыми. Он смотрел и не верил. Пранайтис встал, давая этим понять, что игра окончена. Шмаков думал

еще, стараясь на толпу не смотреть. Потом он с досадой смешал шашки и протянул Пранайтису две пары штанов.

— Бери, пся крев. Давай следующую.

Пранайтис бережно свернул штаны и впихнул их в голенища сапог, перекинутых через плечо.

Следующая партия была более значительной. К самому концу у Пранайтиса осталось две шашки. Шмаков имел четыре. Чувствуя близкую победу, он играл легко, стараясь меняться. Подставил одну черную (сейчас черными играл он) и взял белую. Противник выдыхался. Один необдуманный шаг и — пожалуйста парочку сапог с короткими голенищами, железными гвоздями и резиновыми ушками. Можно еще взять назад штаны.

Шмаков задумался, что взять: штаны или сапоги — и потерял одну шашку. От смущения он поспешил к дамочному полю и загубил остальные. Пранайтис протянул руку за новыми двумя парами штанов.

— Шляпа, — не удержался в толпе мальчуган и получил несколько тумачливых беспристрастной среды.

— Продолжаем? — спросил Пранайтис.

— А ты думал конечно, пся крев? — сердито сказал Шмаков, — Устал ан, что ли? Рученьки болят?

— Поляк никогда не устает, это кацапы ленивые, — ответил Пранайтис и начал расставлять шашки, себе белые и противнику черные.

— Я пошел.

Шмаков взялся за шашку справа, но сейчас же поставил ее на место и почесал затылок. Потом снова взял эту шашку и еще более решительно поставил на прежнее место.

— Давай в поддавки.

Шмакову пришлось сделать дамку, но одним легким маневром он избавился от нее, подсунув еще в придачу одну шашку. Положение его улучшилось. Стоило только освободить дамочное поле и поляк — хочешь не хочешь — проглотит все без остатка. Он разгорячился и предложил Пранайтису:

— Хочешь двойную ставку? Выиграешь — получишь четыре пары штанов. Идет?

Пранайтис подумал и согласился.

— Клади сюда, — сказал он.

Публика притащила еще один бак. Пранайтис бросил туда две пары сапог, а Шмаков четыре пары штанов. Игра продолжалась. Шмаков сейчас же испугался, когда заметил, что поляк сам лезет в дамки. Такое безу-

мие в поддавках всегда опасно. И, действительно, вышло нечто очень каверзное. Пранайтис подсунул дамку. Шмаков съел. Пранайтис подсунул оставшиеся шашки, и Шмаков побил все, кроме одной, которую Пранайтис в начале игры запер в уголок. Заставить ее двигаться нельзя было. Шмаков смешал свои шашки и выругался, пряча глаза от публики. Пранайтис сгроб все, что было в баке.

Публика стала понемногу расходиться. У Шмакова осталась всего одна пара штанов. Азарту мало, да и торговлей надо позаняться. К Шмакову подошел из толпы покупатель. Он потрогал штаны, осмотрел подкладку и спросил:

— Сколько?

Шмаков не ответил сразу, он не понял даже, чего хочет этот человек. С досадой одернул штаны и сказал:

— Отваливай.

— Я продам, — предложил Пранайтис, взмахнув восемью парами штанов, — приличные штаны, гражданин!

Шмаков схватил Пранайтиса за руку и стиснул ее.

— Не смей, пся крев. Игра не кончена. Давай еще одну партию.

— Капитала не вижу.

— Ставь штаны за штаны.

— Ладно, — сказал Пранайтис, — в поддавки опять?

— Нет, в шашки. Белые мои.

Удивленный покупатель ушел. Шмаков перевернул доску, поплевал на нее и что-то про себя шепнул.

— Колдуешь? — спросил Пранайтис, расставляя фигурки.

Шмаков ничего не ответил и выдвинул среднюю шашку. Пранайтис пошел встречной. Потом Шмаков подставил... Впрочем, начало это было похоже на все шашечные начала. Пранайтис не думал вовсе и передвигал фигурки бесшумно. Шмаков думал долго и стучал шашками, сотрясая доску. Он успел уже потерять две шашки впустую, а тут еще поляк подставил свою черную так, что если побить — будет полный разгром.

Шмаков сделал вид, что не замечает, и сделал посторонний ход. Пранайтис поставил его фигурку на прежнее место и сказал:

— Ты бери. Слеп, что ли?

— А я не возьму.

— Как не возьмешь?

— Тебе же, холира, лучше. Фука достанется.

От удивления Пранайтис даже слегка приподнялся и посмотрел на противника в упор.

— Ты, что, кацап, мошенничать вздумал?  
— Сам ты, пся крев, мошенник. Бери фуку, коли дают.  
— Неумытая морда, — вскричал поляк, — кто же сейчас с фукой играет? С луны свалился?

— Так мы условились. Ей-богу, условились. Как садились, я сказал: "С фукой, значит", а ты смолчал. Стало, согласен. Зачем молчал?

— Ничего ты, каторга, не сказал. Дурачком прикидываешься.  
— Сказал, ей-богу, сказал. Что ж ты, польская колбаса, русскому человеку не веришь?

— Врешь, холира, — вскричал Пранайтис и отшвырнул доску с шапками, — я больше не играю.

Шмаков пронзительно взвыл и отпустил соседу оплеуху. Тот замахнулся доской. Шмаков ухватился за бак. Публика бросилась их разнимать.

— Он со мной неправильно играл, — кричал Шмаков, — он мне должен все вернуть. Я в милицию заявлю. Ограбил.

И заплакал даже. Пранайтис растерянно взглянул на публику. На многих лицах нельзя было прочесть ни возмущения, ни сочувствия. Шмаков бросился отбирать у поляка штаны. Тот стал уходить. Шмаков побежал за ним, схватил по дороге дикий камень, замахнулся, но публика удержала его и обступила со всех сторон. Пранайтис позвал на помощь. Толкучка загудела.

Этот галдеж услышал милиционер. Сам один он прискакать не решился и кликнул подмогу. Неистовый его свисток привлек еще двух милицейских с соседних постов. Начался допрос. Шмаков, рыдая, жаловался, что поляк ограбил его. Пранайтис кричал, что кацап — мошенник и хочет его, Пранайтиса, убить. Милицейские арестовали обоих.

Надзиратель приказал запереть каждого в особую камеру и начал следствие. Дело грозило затянуться, весь Железный ряд рвался в свидетели. Все видели, все слышали и всем не терпелось поговорить об этом вдоволь. Надзиратель выбрал более скромных, всего десять человек. Пятеро из них защищало Шмакова и пятеро — Пранайтиса. Надзиратель назначал очные ставки. Ничего не получалось. Каждый говорил свое.

Порешили от них избавиться и передать дело в Садовнический народный суд.

В нарсуде дело откладывалось со дня на день. Свидетели постоянно оказывались пьяными. Их привозили на извозчиках и под конвоем. Кое-кто из них скрылся вовсе, опасаясь протоколов, и слушание продолжалось недолго. Остатки обвинения говорили свое, остатки защиты — свое, судья звонил в колокольчик и пил воду. Через два часа суд вынес такое решение:

— Приговорить обоих подсудимых, Федора Каменщикова и Станислава Белецкого, к штрафу в десять рублей.

Услышав свои настоящие фамилии, Шмаков и Пранайтис удивились. Поляка растрогало даже такое вежливое обращение.

Последнюю неделю поста надзиратель рапортовал районному о состоянии толкучки. "За истекшие дни произошло несколько схваток между Шмаковым и Пранайтисом".

Надзиратель убеждал районного конфисковать шашки. "Ничего с ними иначе не поделаешь. Народ тихий, а как до игры дойдет, забудет все на свете. Поножовщины бывают".

В это время курьерша принесла чай и связку свежих писем. Районный подсчитал сначала, сколько всего, записал в журнал, потом обрезал ножиком конверты и стал читать. Надзиратель перелистывал в ожидании уголовный кодекс. Гадая, он открывал каждый раз новую страницу. Все было в кодексе — и самогон, и спирт, и контрабанда, и дерзкий цинизм, и порча проводов, не было только шашек, и злосчастные фуки нигде не упоминались.

— Петя, — сказал районный, — прочитай вот это письмо. Надзиратель посмотрел на подпись и улыбнулся.

— Канительная публика, товарищ начальник, — заметил он и принялся за чтение:

"Милиция дремлет, как в заметках пишется, и не знает, что Федор Шмаков (Каменщик) с толкучего рынка есть большая опасность в государстве. Это вредный элемент, вам подтвердят посудники, вот уже два года, как торгует краденым. Штаны у него только для отвода, и те гражданам принадлежат, которые пострадали. А часы откуда? Есть и золотые, и с цепочками, и монограммами. У него своя малина на Зацепе в Стремянном переулке, где Институт Карла Маркса, бывших коммерческих наук. Предупреждаю, что складные ворота — на улице колодец, только воды нет. Вот примета: если поломанное ведро у колодца, значит, сегодня собрание. В достоверности расписываюсь, прошу имя держать в секрете. Станислав Белецкий (Пранайтис)".

Надзиратель радостно посмотрел на районного.

— Прикажете арестовать, товарищ начальник?

— Пришей к делу, — ответил районный.

— А распоряжение когда?

— Какое распоряжение?

— Насчет ареста.

# НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

---

Татьяна ЩУРОВА  
Душа старой Одессы .....276

---

Районный улыбнулся довольной улыбкой.

— Погоди, Петя, горячий ты у меня.

И, порывшись в столе, районный вытащил большую толстую папку. Он протянул ее надзирателю.

— На вот папку, Петя. Загляни в документ за номером 17, входящий. Читай вслух.

"Желая оказать пользу государству (советскому) и милиции, доношу о безобразном поведении Станислава Пранайтиса (Белецкого), который, как всем известно, расспросите в обувном ряду, со всеми ворами заодно работает и фальшивые деньги распространяет, сапоги у него для отвода глаз, и те краденые, хоть и на один фасон. Ворует он целыми пачками, и случай на Даниловке с инвалидной кожевенной мастерской к нему прямое отношение имеет"...

— Довольно, — сказал районный, — остальное неинтересно. Итого, Петя, приказываю тебе взять под строгое наблюдение данные факты. Распространяться не рекомендуется. И виду не показывай.

— Точно так, — ответил надзиратель и записал в блокнот какие-то адреса.

Здесь мы прекращаем историю о Шмакове и Пранайтисе. Скоро начнется судебная канитель. У Шмакова есть уже свои свидетели, и у Пранайтиса — свои. Пусть возьются с ними районный и нарсуд, они за это казенное жалованье получают. Мы только хотим сказать, что, садясь играть на толкучке в шашки, обязательно условливайтесь. Скажите просто: "Я играю с фукой", или: "Я играю без фуки. Идет?".

И тогда только открывайте кампанию.

